

МИХАИЛ ПЕРМОНТОВ

ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

РОМАН

Москва
«Махаон»

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)1-44-5
Л49

Вступительная статья и комментарии
Татьяны Шипиловой

Иллюстрации на суперобложке, обложке и форзацах
Елены Белоусовой

Шипилова Татьяна Евгеньевна – выпускник и аспирант Литературного института имени А. М. Горького, редактор литературного портала ГодЛитературы.РФ, преподаватель литературы в онлайн-школе «Фоксфорд».

Лермонтов М. Ю.

Л49 Герой нашего времени : роман / Михаил Юрьевич Лермонтов ; вступ. ст. Т. Шипиловой ; худож. Е. Белоусова. – М. : Махаон, Азбука-Аттикус, 2024. – 224 с. – (Вечная классика в стиле манги).

ISBN 978-5-389-24394-1

«Герой нашего времени» – первый русский психологический роман, раскрывающий внутренний мир «лишнего человека».

В этой книге вы найдете не только полный текст произведения, но и вступительную статью, комментарии аспиранта Литературного института имени А. М. Горького, которые помогут вам подготовиться к экзаменам. Издание содержит QR-код, ведущий к аудиокниге: благодаря ей вы погрузитесь в неповторимую атмосферу романа.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)1-44-5

ISBN 978-5-389-24394-1

© Белоусова Е. Н., иллюстрации, 2024
© Оформление, вступительная статья,
комментарии. ООО «Издательская
Группа «Азбука-Аттикус», 2024
Machaon®

*«Герой нашего времени»
Михаила Юрьевича Лермонтова*

Одиночество — главная тема в жизни Лермонтова. Он стал голосом своего молчаливого поколения. Литературоведы иногда называют это поколение «потерянным», по аналогии с героями произведений Ремарка, Хемингуэй и других. Но русское «потерянное» поколение случилось на сто лет раньше, в период правления Николая I. После восстания декабристов в 1825 году царь так сильно ограничил возможность творческого самовыражения, что никто не смел лишнего слова не то что написать, даже подумать. И единственным рупором этого поколения, бессловесного, обреченного на глухое разочарование в собственных силах, стал Михаил Юрьевич Лермонтов.

Ярый почитатель творчества Пушкина, за острое, провокационное стихотворение «Смерть поэта» Лермонтов был сослан на Кавказ по личному распоряжению Николая I. Понять царя можно: после скандального вхождения на престол, жесткого усмирения декабристов, ему нужны были стабильность и верный, спокойный народ. Его выдуманному идеальному образу главного героя романа соответствует добрейший, скромнейший штабс-капитан Максим Максимыч, ко-

того царь определил как «благородный и простой характер», но Лермонтов выводит на первый план человека, подобного себе. Известно, что Печорин – это некое альтер эго самого поэта.

Романтическое трагическое мировосприятие свободолюбивой личности накладывает отпечаток на все творчество писателя – от ранних лирических стихотворений («Парус», «Для чего я родился») до поэмы «Демон», над которой он работал в течение десяти лет, и закономерно приводит к вершине его наследия – первому психологическому роману русской литературы.

Григорий Печорин показан очень деятельным человеком, вот только деятельность эта бессмысленна. Его таланты, как и таланты самого Лермонтова, оказались совершенно не нужны в родной стране. Все, на что он сгодился, – отправиться на кавказский курорт и своим поведением раздражать тамошнее «водяное общество», а потом быть сосланным еще дальше, в глухую крепость где-то в глубине Кавказа, где даже свист пуля ему быстро наскучил.

Печорин постоянно ищет, на какие цели направить свою энергию, но, не находя, изобретает их самостоятельно. Из-за этого его жизнь и полна приключений, но все они какие-то несерьезные. Опасные, но не воплощающие собой благородных исканий. Александр Герцен, русский писатель и философ, анализируя характер Печорина, определил его портретом целого поколения постдекабристской эпохи, когда внешне будто ничего и не происходило, но внутри «совершалась великая работа... глухая и безмолвная, но деятельная и непрерывная».

Особенность «Героя нашего времени» – усложненная кольцевая композиция. Хронология событий не

совпадает с сюжетным построением текста. Лермонтов делает это для углубления образа главного героя, для его большей психологизации. Поначалу характер Печорина кажется исключительно отрицательным, что Лермонтов еще в предисловии называет «болезнью», подчеркивая, что сам он не имеет «гордой мечты сделаться исправителем людских пороков». Григорий Александрович вызывает у читателя интерес, любопытство первооткрывателя.

Природа Кавказа, экзотичный пейзаж, отличные от русских традиции и обычаи – все это заставляет задуматься: как и почему автор использует подобную экспозицию, зачем перемещает действие романа из Петербурга, путает хронологию, вводит сразу трех рассказчиков?

Все это определяет идею. На первый план выводится эгоистичность Печорина, его стремление во всем себе потакать, но постепенно для читателя открываются новые грани его характера: способность сожалеть о содеянном и любить, желание защитить честь не только свою, но и оклеветанной девушки, спасти и так уже приговоренного преступника. Все это открывает в нем тонкие грани человеческой натуры, полной своих собственных демонов, но и подчеркнуто благородной, отважной и глубокой.

Печорин двойственен. Его образ полон очаровательного трагизма. И чем больше читатель узнает о Печорине, тем больше проникается его трагедией. Три рассказчика позволяют уловить противоречивость характера, неоднозначность суждений о главном герое: отеческое отношение Максима Максимыча к своему молодому приятелю; заинтересованный, но объективный рассказчик, смотрящий на Печорина со стороны; сам Григорий Александрович, осознающий свои отри-

цательные стороны и анализирующий их с анатомической беспристрастностью, — все это позволяет образу стать более объемным и точным.

Делая записи в своем журнале, Печорин создает собственный миф: внешне — циник и манипулятор, внутренне — проникательная, одухотворенная, вечно ищущая, но не способная найти ничего действительно важного личность, страдающая от собственной неприкаянности и несостоятельности. Именно для большего отображения этого внутреннего противоречия и выведены в романе герои-двойники: Грушницкий, Вернер, Вулич. Они, с одной стороны, как в кривом зеркале, несколько даже гротескно показывают его самые худшие (Грушницкий) и спорные (Вернер, Вулич) черты. С другой же — еще сильнее подчеркивают его индивидуальность, одиночество, «лишность».

Грусть пронизывает все творчество поэта, но грусть эта полна энергии. Именно это странное чувство доходит до апогея в романе, обнажая страстное, грешное сердце, вызывая восторг в отношении человека, который «так беспощадно выставлял наружу собственные слабости и пороки».

Начало и окончание рассказа (и в начале, и в конце фигурируют крепость и Максим Максимыч) о жизни Григория Александровича Печорина создают некий замкнутый круг, из которого нет выхода, если не всмотреться в собственное «я» и не попытаться вырваться из него самостоятельно. Увы, Печорин с поразительным упорством обрекал себя на смерть, но читателю предлагается сделать правильный вывод и не попадаться в эту ловушку.

И как одиночество было главной темой жизни самого Лермонтова, так оно и становится главной темой в его великом романе. Одиночество это, юношеский

максимализм, несмотря на смену эпох, всегда будет звучать современно и своевременно. Каждый молодой человек любой страны и эпохи чувствует в себе большие скрытые силы, ощущает недопонимание, путается в собственных целях, желая быть услышанным и понятым. Мы перерастаем это состояние, становимся взрослыми состоявшимися личностями, но то щемящее ощущение неприкаянности, когда-то испытанное в удивительную пору юношеской незрелости, откликается в человеческом сердце до сих пор, потому что в этом есть некий философский круговорот, с которым сталкивается человек в любые времена.

Татьяна Шипилова

ГЕРОЙ
НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Во всякой книге предисловие есть первая и вместе с тем последняя вещь; оно или служит объяснением цели сочинения, или оправданием и ответом на критики. Но обыкновенно читателям дела нет до нравственной цели и до журнальных нападок, и потому они не читают предисловий. А жаль, что это так, особенно у нас. Наша публика так еще молода и простодушна, что не понимает басни, если в конце ее не находит нравоучения. Она не угадывает шуток, не чувствует иронии; она просто дурно воспита-

М. Ю. Лермонтов, как А. С. Пушкин и Н. В. Гоголь, стоял у истоков «золотого века» русской литературы, сильно отличавшейся от произведений авторов конца XVIII – начала XIX века: М. В. Ломоносова, Г. Р. Державина, Д. И. Фонвизина, И. А. Крылова. Лермонтов же считал, что русский читатель еще не готов к самостоятельным выводам, так как привык к озвученным моралям и поучительным текстам авторов предыдущей эпохи.

на. Она еще не знает, что в порядочном обществе и в порядочной книге явная брань не может иметь места; что современная образованность изобрела орудие более острое, почти невидимое, и тем не менее смертельное, которое, под одеждою лести, наносит неотразимый и верный удар. Наша публика похожа на провинциала, который, подслушав разговор двух дипломатов, принадлежащих к враждебным дворам, остался бы уверен, что каждый из них обманывает свое правительство в пользу взаимной, нежнейшей дружбы.

Эта книга испытала на себе еще недавно несчастную доверчивость некоторых читателей и даже журналов к буквальному значению слов. Иные ужасно обиделись, и не шутя, что им ставят в пример такого безнравственного человека, как Герой Нашего Времени; другие же очень тонко замечали, что сочинитель нарисовал свой портрет и портреты своих знакомых... Старая и жалкая шутка! Но, видно, Русь так уже сотворена, что все в ней обновляется, кроме подобных нелепостей. Самая волшебная из волшебных сказок у нас едва ли избегнет упрека в покушении на оскорбление личности!

Лексический повтор в характеристике современной литературы, безусловно, несет ироническое отношение к читательским вкусам, сформировавшимся на текстах авторов XVIII века, где герои и идеи могли быть либо только отрицательными, либо только положительными, полутонов не существовало. Сейчас же, по уверению М. Ю. Лермонтова, можно отойти от ярлыков и ждать более тонкого повествования, подразумевающего глубокий самоанализ.

М. Ю. Лермонтов продолжает иронизировать над читательской природой современников, в частности над привычкой буквально воспринимать названия произведений. Автор прямо указывает, что этот роман не автобиографичен, что бы об этом не думали легковверные читатели или иные критики, статьи которых часто публиковались в журналах. И такой отстраненностью от личности своего героя М. Ю. Лермонтов лишний раз подчеркивает, что его Печорин – портрет не конкретного человека, а целого поколения молодых людей.

Герой Нашего Времени, милостивые государи мои, точно, портрет, но не одного человека: это портрет, составленный из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии. Вы мне опять скажете, что человек не может быть так дурен, а я вам скажу, что ежели вы верили возможности существования всех трагических и романтических злодеев, отчего же вы не веруете в действительность Печорина? Если вы любовались вымыслами гораздо более ужасными и уродливыми, отчего же этот характер, даже как вымысел, не находит у вас пощады? Уж не от того ли, что в нем больше правды, нежели бы вы того желали?..

Вы скажете, что нравственность от этого не выигрывает? Извините. Довольно людей кормили сластями; у них от этого испортился желудок: нужны горькие лекарства, едкие истины. Но не думайте, однако, после этого, чтоб автор этой книги имел когда-нибудь гордую мечту сделаться исправителем людских пороков. Боже его избави от такого невежества! Ему просто было весело рисовать современного человека,

Под болезнью автор подразумевает бездеятельность и неприкаянность молодых людей, обладающих всеми нужными для достойной жизни качествами, но не способных найти своего места в жизни и от этого страдающих еще сильнее.

Болезнь века – бездуховность и потерянности поколения «лишних людей», которых воплощает в себе Григорий Александрович Печорин, главный герой романа, герой описываемого времени.

Вслед за А. С. Пушкиным, который представил публике «Евгения Онегина», М. Ю. Лермонтов развивает этот типаж нового персонажа, заставляя и читателя, и своего героя задаваться важными вопросами, волнующими его поколение.

каким он его понимает и, к его и вашему несчастью, слишком часто встречал. Будет и того, что болезнь указана, а как ее излечить – это уж Бог знает!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

A decorative flourish consisting of a large, elegant loop on the left and a series of smaller, swirling lines on the right, positioned below the title.

I

Эта

Я ехал на перекладных из Тифлиса. Вся поклажа моей тележки состояла из одного небольшого чемодана, который до половины был набит путевыми записками о Грузии. Большая часть из них, к счастью для вас, потеряна, а чемодан, с остальными вещами, к счастью для меня, остался цел.

Уж солнце начинало прятаться за снеговой хребет, когда я въехал в Койшаурскую долину. Осетин-извозчик неутомимо погонял лошадей, чтоб успеть до ночи взобраться на Койшаурскую гору, и во все горло распевал песни. Славное место эта долина! Со всех сторон горы неприступные, красноватые скалы, обвешанные зеленым плющом и увенчанные купами чинар, желтые обрывы, исчерченные промоинами, а там высоко-высоко золотая бахрома снегов, а внизу Арагва, обнявшись с другой безымянной речкой, шумно вырывающейся из черного, полного мглой ущелья, тянется серебряною нитью и сверкает, как змея своею чешуею.

Подъехав к подошве Койшаурской горы, мы остановились возле духана. Тут толпилось шумно десятка два грузин и горцев; поблизости караван верблюдов остановился для ночлега. Я должен был нанять бы-

ков, чтобы втащить мою тележку на эту проклятую гору, потому что была уже осень и гололедица, — а эта гора имеет около двух верст длины.

Нечего делать, я нанял шесть быков и нескольких осетин. Один из них взвалил себе на плечи мой чемодан, другие стали помогать быкам почти одним криком.

За моею тележкой четверка быков тащила другую, как ни в чем не бывало, несмотря на то, что она была доверху накладена. Это обстоятельство меня удивило.

За нею шел ее хозяин, покури-
вая из маленькой кабардинской
трубочки, обделанной в серебро.
На нем был офицерский сюртук
без эполет и черкесская мохна-
тая шапка. Он казался лет пяти-
десяти; смуглый цвет лица его
показывал, что оно давно знако-
мо с закавказским солнцем,

и преждевременно поседевшие усы не соответствовали его твердой походке и бодрому виду. Я подошел к нему и поклонился; он молча отвечал мне на поклон и пустил огромный клуб дыма.

— Мы с вами попутчики, кажется?

Он молча опять поклонился.

— Вы, верно, едете в Ставрополь?

— Так-с точно... с казенными вещами.

— Скажите, пожалуйста, отчего это вашу тяжелую тележку четыре быка тащат шутя, а мою пустую шесть скотов едва подвигают с помощью этих осетин?

Он лукаво улыбнулся и значительно взглянул на меня.

— Вы, верно, недавно на Кавказе?

— С год, — отвечал я.

Он улыбнулся вторично.

– А что ж?

– Да так-с! Ужасные бестии эти азиаты! Вы думаете, они помогают, что кричат? А черт их разберет, что они кричат? Быки-то их понимают; запрягите хоть двадцать, так коли они крикнут по-своему, быки всё ни с места... Ужасные плуты! А что с них возьмешь?.. Любят деньги драть с проезжающих... Избаловали мошенников: увидите, они еще с вас возьмут на водку. Уж я их знаю, меня не проведут.

– А вы давно здесь служите?

– Да, я уж здесь служил при Алексее Петровиче¹, – отвечал он приосанившись. – Когда он приехал на Линию, я был подпоручиком, – прибавил он, – и при нем получил два чина за дела против горцев.

– А теперь вы?..

– Теперь считаюсь в третьем линейном батальоне. А вы, смею спросить?..

Я сказал ему.

Разговор этим кончился, и мы продолжали молча идти друг подле друга. На вершине горы нашли мы снег. Солнце закатилось, и ночь последовала за днем без промежутка, как это обыкновенно бывает на юге; но, благодаря отливу снегов, мы легко могли различать дорогу, которая все еще шла в гору, хотя уже не так круто. Я велел положить чемодан свой в тележку, заменить быков лошадьми и в последний раз оглянувшись вниз на долину, – но густой туман, нахлынувший волнами из ущелий, покрывал ее совершенно, и ни единый звук не долетал уже оттуда до нашего слуха. Осетины шумно обступили меня и требовали на водку; но штабс-капитан так грозно на них прикрикнул, что они вмиг разбежались.

¹ Ермолове. (Прим. М. Ю. Лермонтова.)

Алексей Петрович Ермолов – видный военный деятель конца XVIII – первой половины XIX в. Упомянутые Максим Максимычем два чина говорят о том, что он проявил себя на службе во время, по всей видимости, Кавказской войны.

– Ведь этакой народ! – сказал он, – и хлеба по-русски назвать не умеет, а выучил: «Офицер, дай на водку!» Уж татары по мне лучше: те хоть непьющие...

До станции оставалось еще с версту. Кругом было тихо, так тихо, что по жужжанию комара можно было следить за его полетом. Налево чернело глубокое ущелье, за ним и впереди нас темно-синие вершины гор, изрытые морщинами, покрытые слоями снега, рисовались на бледном небосклоне, еще сохранявшем последний отблеск зари. На темном небе начинали мелькать звезды, и странно, мне показалось, что они гораздо выше, чем у нас на севере. По обеим сторонам дороги торчали голые, черные камни; кой-где из-под снега выглядывали кустарники, но ни один сухой листок не шевелился, и весело было слышать среди этого мертвого сна природы фырканье усталой почтовой тройки и неровное побрякиванье русского колокольчика.

– Завтра будет славная погода! – сказал я. Штабс-капитан не отвечал ни слова и указал мне пальцем на высокую гору, поднимавшуюся прямо против нас.

– Что ж это? – спросил я.

– Гуд-гора.

– Ну так что ж?

– Посмотрите, как курится.

И в самом деле, Гуд-гора курилась; по бокам ее ползали легкие струйки облаков, а на вершине лежала

Литературно-художественное издание Әдеби-көркем басылым
Для старшего школьного возраста Жогаргы мектеп жасына арналган

Серия «ВЕЧНАЯ КЛАССИКА В СТИЛЕ МАНГИ»

ЛЕРМОНТОВ Михаил Юрьевич

ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Роман

Ответственный редактор А.В. Купцова
Художественный редактор С.А. Карпухин
Технический редактор Т.П. Тимошина
Корректоры А.А. Конкина, П.В. Шевнина
Компьютерная верстка С.М. Осипова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 18.04.2024.

Формат 60×88 ¹/₁₆. Гарнитура «SchoolBook».

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,0.

Тираж 3000 экз. J-SCH-33369-01-R. Заказ № .

Дата изготовления / Өндірілген күні 30.05.2024.

Срок службы (годности): не ограничен. / Қызмет (жарамдылық) мерзімі: шектелмеген.

Условия хранения: в сухом помещении. / Сақтау шарттары: құрғақ үй-жайда.

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» –	«Издательская Группа «Азбука-Аттикус» ЖШҚ –
обладатель товарного знака Mashaon	Mashaon тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	Эл. пошталы: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус»	Санкт-Петербург қаласындағы «Азбука-Аттикус»
в г. Санкт-Петербурге	Баспа Тобы» ЖШҚ филиалы
191024, г. Санкт-Петербург, ул. Херсонская, д. 12–14, лит. А	191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Эл. пошталы: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России. Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Товар соответствует требованиям ТР ТС 007/2011 «О безопасности продукции,
предназначенной для детей и подростков».

Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)
Тауар КО ТР 007/2011 «Балалар мен жасөспірімдерге арналған
өнімдердің қауіпсіздігі туралы» талаптарына сәйкес келеді.